

Евгений Иоников

Старик

Документальная повесть

Евгений Иоников

Старик. Документальная повесть

«Издательские решения»

Иоников Е.

Старик. Документальная повесть / Е. Иоников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907759-2

В повести рассказывается о судьбе Василия Семеновича Пыжикова — командира партизанской бригады «Старик», предпринявшего осенью 1942 г. попытку объединить в дивизию отряды северо-восточной части Минской области. Его несанкционированная партийным руководством деятельность привела к длительному конфликту с Пантелеймоном Пономаренко. Конфликт завершился лишь в мае 1943 года, после роспуска дивизии (декабрь 1942), расформирования бригады «Старик» (май 1943) и ареста Василия Пыжикова (1 мая 1943 года)

ISBN 978-5-44-907759-2

© Иоников Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Глава 1. Василий Пыжиков. Отряд «Старик»	10
Глава 2. В Пупеличском лесу	16
Глава 3. Отступление на Палик	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Старик

Документальная повесть

Евгений Иоников

© Евгений Иоников, 2018

ISBN 978-5-4490-7759-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

О партизанском комбриге Василии Пыжикове долгое время умалчивали историки и редко упоминали в мемуарах участники событий. Даже его реабилитация в 1955 году лишь отчасти изменила ситуацию. Первые сообщения о Старике ограничивались, как правило, признанием факта его участия в партизанском движении, при этом практически все источники не вдавались в подробности развернувшейся на Палике в 1942—1943 годах драмы. К тому времени, похоже, в отечественной историографии окончательно сформировался крайне осмотрительный подход к описанию неоднозначных эпизодов прошедшей войны. В соответствии с ним возникла и до сих пор поддерживается гладкая и бесконфликтная концепция развития событий в Борисовской партизанской зоне в самый сложный период ее становления.

В таком ключе историю Старика описывали едва ли не все авторы первых послевоенных десятилетий. В наиболее кратком, концентрированном виде ее изложил бывший командующий партизанским соединением Борисовско-Бегомльской зоны Роман Мачульский. В своих воспоминаниях он уделил Василию Пыжикову пол страницы текста. Ссылаясь на состоявшуюся у него беседу с Петром Лопатыным (командиром партизанской бригады «Дядя Коля»), Мачульский следующим образом рассказал о произошедшем: «В сентябре [1942 г.] ... состоялось совещание командиров и комиссаров трех соседних бригад – «Старика», «Дяди Коли» и «Дяди Васи». Василий Семенович [Пыжиков], выступая на совещании, правильно говорил о необходимости объединения партизанских сил для нанесения более мощных ударов по оккупантам. Но достаточного опыта у командиров тогда еще не было, и они по совету некоторых военных товарищей решили создать соединение на армейский лад, точно скопировав форму стрелковой дивизии Красной Армии. На первый взгляд, это вроде и неплохо: три бригады имеют единое командование, общие тыловые службы, действуют по единому плану. Но то, что хорошо для армейских фронтовых частей, оказалось непригодным для условий, сложившихся в тылу противника. Получилось громоздкое, неповоротливое формирование.

ЦК КП (б) Б и Белорусский штаб партизанского движения отменили решение совещания и предложили Пыжикову расформировать партизанскую дивизию.

Василий Семенович вернулся к руководству бригадой «Старика»¹.

Справедливости ради отметим, что Роман Мачульский не принимал прямого участия в событиях, он появился в Борисовской зоне (у озера Палик) лишь во второй половине 1943 года, но с ситуацией, безусловно, он был знаком. В соответствии с озвученной выше концепцией Мачульский вполне благожелательно отзываясь о Пыжикове, но сглаживает острые углы в весьма непростых взаимоотношениях Старика с партийными властями: «Это был толковый командир, коммунист с 1917 года, настоящий боец ленинской закалки. ... Мы многому научились у Василия Семеновича... Правительство высоко оценило боевые заслуги В. С. Пыжикова, наградив его в канун 50-летия Великого Октября орденом Ленина»².

¹ Мачульский Р. Н. Вечный огонь. Партизанские записки. – Минск, 1978, с. 244.

² Мачульский Р. Н. Вечный огонь. Партизанские записки. – Минск, 1978, с. 244 – 245.

Василий Пыжиков (Старик)

Увы – в контексте воспоминаний Мачульского невозможно судить о том, как разворачивались дальнейшие события – а это и погром, устроенный в отношении бригады «Старика», и арест командира, и его реабилитация. Замалчивание этих фактов в биографии Василия Семёновича Пыжикова делает совершенно непонятными причины проведенных против него репрессий.

Даже в изданной уже в 1990 году энциклопедии «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941 – 1945» статья о Старике содержит лишь общие сведения о его довоенной биографии и никак не прокомментированное сообщение об аресте комбрига³. Немного больше информации этот источник дает и о судьбе партизанской бригады, созданной Стариком – энциклопедия лишь констатирует факт ее расформирования в мае 1943 года⁴.

И сегодня, когда большинство существовавших в советские времена гласных и негласных ограничений сняты, многие из хранящихся в архивах документов рассекречены, а в городе Борисове его именем названа улица, о Старике известно не много и говорить о нем не принято. И хотя в официальных изданиях, в научных трудах и мемуарах время от времени появляются упоминания о Старике, но это все еще отрывочные сообщения, связанные со второстепенными событиями, которые позволяют составить только поверхностное представление о разворачивавшихся на Палике в период с августа 1942 по май 1943 года событиях. До сих пор не существует ни одного отдельного посвященного ему исследования – только несколько упоминаний в книгах, написанных о других героях⁵.

В нескольких предлагаемых Вашему вниманию главах мы расскажем о деятельности Василия Пыжикова (Старика) на протяжении девяти месяцев 1942 – 1943 гг. и, надеюсь, сможем заполнить отдельные пробелы в биографии этого человека, устранив тем самым некоторую недосказанность в истории партизанского движения на Палике.

Все сколько-нибудь значимые суждения, содержащиеся в нашем исследовании, мы сделали на основании доступных архивных материалов. В основном это несколько десятков дел из фондов Национального архива Республики Беларусь – документы партизанских формирований Минской области (приказы командования, отчеты вышестоящим штабам и инстанциям, дневники боевых действий и другая внутренняя информация из отрядов и бригад – Фонд №1405), а также документация Белорусского штаба партизанского движения (Фонд №1450: приказы и распоряжения штаба, отчеты партизанских формирований, протоколы собеседований с прибывшими из-за линии фронта партизанами и т.п.). Третий большой пласт информации содержится в фондах бывшего партархива при Институте истории партии ЦК КП (б) Б, в основной своей массе это документы фонда №4п.; опись №33а этого фонда аккумуляиро-

³ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941 – 1945. Энциклапедыя. Мінск, «Беларуская Савецкая энциклапедыя» імя Петруся Броўкі. 1990. Стар. 513.

⁴ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941 – 1945. Энциклапедыя. Мінск, «Беларуская Савецкая энциклапедыя» імя Петруся Броўкі. 1990. Стар. 449 – 450.

⁵ Смотри, например: *Иоффе Э.* Лаврентий Цанава. Его называли «Белорусский Берия» – Минск, 2016, с. 208.

вала в себе относительно редкие сведения о развитии партизанского и подпольного движения и представляет в этой связи особый интерес для нашего исследования. О взаимоотношениях партизан с минским подпольем говорят документы фонда №1346.

Положение дел на оккупированной территории в этот период (мероприятия оккупационных властей и местных администраций, сотрудничавших с ними, информация о немецких гарнизонах и опорных пунктах полиции, о жизни гражданского населения на подконтрольных немецким властям территориях и партизанских зонах и т.д.) мы изучали на основе материалов и документов, хранящихся в Минском областном архиве.

Довольно широко мы использовали также воспоминания участников событий – в основном это мемуары партийных и военных руководителей действовавших в Борисовской зоне партизанских формирований.

Ни сам Старик, ни кто-либо из его близкого окружения не написали воспоминаний, если не считать нескольких страниц Бориса Бывалого, комиссара бригады Старика, помещенных в вышедшем в 1970 году сборнике «Сквозь огонь и смерть». В этом отношении отличились скорее его оппоненты, однако их мемуары были написаны уже после реабилитации Василия Семеновича, поэтому содержат своеобразную доброжелательно-негативную характеристику его деятельности. В первую очередь, это относится к книге давнего оппонента Старика Ивана Титкова, нетерпимо и крайне отрицательно относившегося к нему в годы войны и сменившего гнев на милость в книге «Бригада «Железняк». Впрочем, в послевоенных партизанских мемуарах можно встретить и прямое и безоговорочное восхищение Стариком, – например у Ивана Дедули, что, собственно говоря, тоже объяснимо, так как последний являлся протеже и ставленником Старика в должности комиссара партизанского отряда «Смерть фашизму». В связи со сказанным мы остерегались доверять оценочным суждениям мемуаристов, а использовали только содержащиеся в их книгах факты.

Исследования отечественных и зарубежных историков также применялись нами только в качестве источника информации – начиная от довольно интересных сведений о партизанах 1941 года, собранных работниками архивов для книги Лаврентия Цанавы⁶ и вплоть до диссертации белорусского историка Семена Грабовского⁷ – в той ее части, в которой речь идет о Старике.

При этом мы вполне отдавали себе отчет в том, что архивные материалы, а тем более мемуары участников событий далеко не всегда объективны – и в том и в другом случаях они создавались людьми – с их амбициями, интересами и оценками событий. Исходящая от них информация в большинстве случаев носит субъективный, а иногда и предвзятый характер – по понятным причинам в своих воспоминаниях, письмах, отчетах и показаниях они должны были защищать свою позицию, что в некоторых случаях неизбежно вело к искажению фактов.

Мы надеемся, однако, что достаточно широкий выбор изученных документов позволил нам беспристрастно и достоверно рассказать о происходивших на Палике событиях. В описании случившегося мы старались придерживаться нейтральной позиции, по большому счету ограничив свое участие в исследовании всего лишь тем, что расположили имевшуюся в нашем распоряжении информацию в хронологической последовательности.

В своем исследовании мы использовали документы, исходящие из двух лагерей – как из лагеря Пыжикова и его сторонников, так и от его оппонентов. Полагаем, что такой подход позволил нам взаимно проверять, подтверждать или опровергать поступившую от сторон информацию. Впрочем, многое в нашем изыскании осталось недосказанным, поскольку происходившие в годы войны события были настолько сложны, а переплетение интересов их мно-

⁶ Цанав Л. Всенародная партизанская война в Белоруссии. Минск, 1949. Часть 1, стр. 161 – 162, 317 – 318, 334 – 335.

⁷ Грабовский С. К. Борьба подпольщиков и партизан Борисовско-Бегомльской зоны против немецко-фашистских оккупантов (июль 1941 – июль 1944гг). Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук. Мн. 1986. Стр. 28, 40 – 45.

гочисленных участников настолько многогранно, что установить истину во многих случаях оказалось нам не по силам.

События, ставшие предметом нашего изучения, разворачивались с середины лета 1942 по май 1943 года в небольшом по площади уголке Беларуси на северо-востоке Минской области. Его границы приблизительно ограничиваются треугольником Борисов – Бегомль – Лепель. Западная сторона этого треугольника проходит по реке Березине (точнее, лежит чуть западнее реки), две другие ограничены дорогами: шоссе Бегомль – Лепель (северная сторона) и большаком Лепель – Борисов (восточная)⁸.

Северо-восточная часть Минской области на довоенной карте

Примыкающие с востока к этому региону территории (восточная часть Холопеничского района вместе с административным центром – собственно Холопеничами) практически лишены крупных лесных массивов, ее земли составлены в основном равнинами с невысокими каменистыми холмами, поросшими кустарниками и редкими перелесками с обилием озер, крупнейшими из которых являются Селява и входившее в состав района Лукомльское озеро. Западнее от условной линии, по большей части, совпадающей с большаком Лепель – Борисов, леса и болота постепенно берут свое и переходят в сплошной лесной массив озера Палик (на старых довоенных картах озеро обозначено как «Пелик»). На берегах этого озера были разбиты базы Василия Пыжикова (Старика), именно здесь развернулись основные события, ставшие предметом нашего повествования.

⁸ До 1960 г. эта местность большей своей частью входила в состав Борисовского и не существующих ныне Холопеничского и Бегомльского районов. В 1960 г. в связи с укрупнением административных образований БССР последние два района были упразднены, а их территории разделены между Борисовским и Крупским. Северная часть этой территории отошла к Чашницкому, Лепельскому и Докшицкому районам Витебской области.

Глава 1. Василий Пыжиков. Отряд «Старик»

Василий Семенович Пыжиков родился 15 декабря 1893 года на застенке Ершовка (Ерошовка, Ерошевка), расположенном недалеко от Холопеничей, на полпути между деревнями Хотюхово и Клен по идущей на Докудово дороге. Их семья не отличалась особым достатком, в юности Василий Пыжиков нанимался на сезонные работы в имение Хотюхово Холопеничской волости, а чуть позже, в 1908 году, перебрался в Борисов, работал строгальщиком на местном лесопильном заводе. Образования он практически не получил – окончил 3 класса сельской школы. В годы первой мировой войны был призван в армию, с 1914 года служил на Западном фронте (с его слов – «старшим строителем саперно-минерного дела»), потом окончил учебную команду и получил унтер-офицерский чин. В 1915 году попал под газовую атаку немцев и был контужен, год спустя получил ранение. В личном деле Василия Семеновича имеются сведения о том, что он дважды (в 1916 году царским правительством и в 1917 – правительством Керенского, точнее, военно-полевым судом) за революционную деятельность приговаривался к расстрелу, оба раза «сподрасстрелу» бежал.

В том же 1917 году Пыжиков командовал отрядом красной гвардии в г. Симбирске, в декабре вступил в РКП (б). В 1918 году возглавлял партизанский отряд, действовавший в северной части Борисовского уезда против немецких оккупационных войск. В 1919 – 1920 годах служил в Красной армии, в которой последовательно занимал должности комиссара полка, а затем – бригады в 17 стрелковой дивизии. С 1921 по 1923 гг. партизанил уже в Дальневосточной республике. После гражданской войны занимал ряд должностей в партийных и советских органах власти, в основном районного масштаба: от главы волостного комитета партии в Лошнице (Борисовский район) в 1922 – 1923 гг. до секретаря Самохваловичского (1927 – 1928) и Полоцкого (1931 – 1932 гг.) районных комитетов партии. Пиком его карьеры была должность первого секретаря Зейского обкома в 1936 – 1937 годах, но это была скорее должность руководителя ликвидационной комиссии, поскольку в это время шел процесс ликвидации Зейской области (а, следовательно, и обкома) и присоединения ее к Читинской области Забайкалья. После завершения этой реорганизации он возглавлял отдел в Читинском обкоме⁹.

В феврале 1938 года Василия Семеновича Пыжикова арестовали. Обвиняли его, между прочим, в измене Родине (статья 58 – 1а УК РСФСР) и организации и подготовке (ст. 58 – 11) вооруженного восстания (ст. 58 – 2), подрыва государственной промышленности (ст. 58 – 7), теракта (ст. 58 – 8), а также в причинении вреда на транспорте (58 – 9)¹⁰. Это были статьи расстрельные, но на этот раз дело закончилось с минимальными последствиями для него: «... по клеветническим материалам [он был] заключен под стражу органами НКВД, где просидел 20 месяцев [в Читинской тюрьме] под следствием и был освобожден за отсутствием состава преступления».

После освобождения Пыжиков был восстановлен в партии с сохранением непрерывного партийного стажа и вернулся на родину, в БССР, где занимал должности заведующего отделом Минского обкома (1939—1940 г. г.) и председателя ревизионной комиссии Белкоопсоюза (1940—1941). К началу войны ему исполнилось 47 полных лет, в 1937 году он прошел воинскую аттестацию и в соответствии с занимаемыми постами в партийной иерархии получил звание батальонного комиссара. Согласно Закону СССР «О всеобщей воинской обязанности» политработники такого уровня до пятидесятилетнего возраста числились в первой кате-

⁹ Национальный Архив Республики Беларусь (Далее: НАРБ). Фонд 1450, Опись 8, Дело 204, Листы 245 – 246

¹⁰ Открытый список жертв политических репрессий в СССР//База данных. [Электронный ресурс] – Режим доступа: [https://ru.openlist.wiki/Пыжиков_Василий_Семенович_\(1893\)](https://ru.openlist.wiki/Пыжиков_Василий_Семенович_(1893)) Дата доступа: 20.06.2017

гории запаса и с началом войны подлежали мобилизации в первую очередь. Однако, скорее всего по состоянию здоровья, Василий Пыжиков не был призван в армию и вплоть до февраля 1942 года проживал в Саратовской области, куда эвакуировался в июне 1941 года из Минска вместе с семьей (жена Лодзята Александра Игнатьевна и дочь Пыжикова Нина Васильевна, 1929 года рождения). Все это время Василий Семенович занимал скромную должность пропагандиста в Воскресенском райкоме партии¹¹.

Деятельная натура Василия Пыжикова, конечно, не могла смириться со столь рутинным для него делом, и он предпринял ряд шагов по партийной линии, пока не был востребован в феврале 1942 года Минским обкомом, а затем и ЦК КП (б) Б в качестве партизанского командира – считалось, что он имеет в этом деле богатый опыт времен гражданской войны. При этом в ЦК далеко не сразу уступили его настойчивости: ответственных товарищей смущал почтенный возраст Василия Пыжикова. Как утверждал уже после войны бывший начальник Белорусского штаба партизанского движения Петр Калинин, «...он настолько патриотически воспринял это дело, говорил: «Я знаю Минск, кадры, людей...», что его и послали»¹² во главе партизанского отряда в глубокий тыл противника. Соответствующее решение ЦК КП (б) Б было принято 4 апреля 1942 года¹³.

Жена и дочь Пыжикова оставались в селе Воскресенском Саратовской области и им не угрожала опасность подвергнуться репрессиям со стороны немецких властей за деятельность их мужа и отца. Однако, в Холопеничском районе (под оккупацией) оставался его брат, да и законы жанра требовали соблюдения правил конспирации и Пыжиков в тылу врага использовал сразу два псевдонима. Будучи не таким уж и старым человеком, он взял себе партийную кличку «Старик», что могло быть навеяно одним из дореволюционных псевдонимов Ленина, на несколько личных встреч с которым он ссылался¹⁴.

Вторым конспиративным именем Пыжикова в тылу врага была нейтральная фамилия «Владимиров» – так он подписывал документы в качестве командира партизанского отряда, а затем бригады и дивизии. При этом ряд документов подписан сразу двумя псевдонимами: «Владимиров», а в скобках – «Старик».

12 июня 1942 года Северо-Западной группой ЦК КП (б) Б (находилась при штабе Калининского фронта) был создан партизанский отряд «Старик». Личным составом отряд комплектовался за линией фронта (на немецкой стороне) в деревне Заполье Суражского района Витебской области. В это время еще не были закрыты Витебские (Суражские) ворота и связь между советским тылом и оккупированными территориями была налажена в обоих направлениях. В немецком тылу примыкающую к разрыву в линии фронта местность контролировали партизанские бригады Шмырева и Дьячкова (Первая и Вторая Белорусские соответственно). Эти бригады прикрывали подступы к «воротам» с севера (Шмырев) и с юга (Дьячков), а также должны были помогать идущим в тыл врага отрядам и разведывательным группам в их продвижении на запад. В нашем случае из состава партизанских бригад Шмырева и Дьячкова было выделено по одному взводу бойцов, которые, собственно, и составили отряд «Старика». Всего вместе с командованием в отряде насчитывался 71 человек¹⁵. Комиссар отряда Кузьма Потапенко и начальник штаба Николай Расторгуев также были прикомандированы к Старикам из состава Второй и Первой Белорусских бригад¹⁶.

¹¹ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 8, Д. 204, Л. 244 – 245.

¹² НАРБ, Ф. 1346, оп. 1, Д. 80, Л. 31.

¹³ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 301, Л. 151

¹⁴ Дедюля И. П. Партизанский фронт. (Воспоминания комиссара партизанской бригады «Смерть фашизму») – Москва, 1975, с. 72 – 73.

¹⁵ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 22.

¹⁶ НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д. 69, Л. 127.

На следующий же день после завершения формирования, 13 июня 1942 года отряд выдвинулся в Борисовский район, северная часть которого была выделена ему для базирования и ведения боевых действий. На время рейда состав отряда значительно увеличился, так как вместе с ним шли три оперативные группы. Диверсионные группы Попковича и Шамрая (по 6 человек каждая) должны были работать во взаимосвязи со Стариком в Борисовском и Крупском районах на магистралях Минск – Москва. 3-я группа Павловского в составе 7 человек двигалась с отрядом Пыжикова лишь до Борисова, после чего должна была направиться для диверсионных целей на Осиповичский узел по линии железнодорожных и шоссейных дорог Минск – Осиповичи, Осиповичи – Бобруйск, Осиповичи – Могилев¹⁷.

Еще несколько человек, не включенных в состав отряда, но подчиненных Старiku на время перехода, часть пути шли вместе с ним¹⁸. Всего, таким образом, под руководством Пыжикова на момент отправления числилось 103 человека¹⁹. Относительно высокой боеспособностью из них отличались только прикомандированные к отряду диверсионные группы. Остальной состав отряда был укомплектован в основном бойцами из числа мобилизованной Шмыревым и Дьячковым в Полоцком районе молодежи, военному делу не обученной и никогда не державшей в руках оружия²⁰.

Вооружены партизаны Старика были в основном винтовками, имелось также два ручных пулемета (Дегтярева и трофейный немецкий), противотанковое ружье, один ППД, и один трофейный немецкий миномет²¹.

Накануне выдвижения командованию отряда пришлось решать несколько неожиданных вопросов – бойцам не доставало белья, обуви, табаку, сахару. В результате 10 человек выходило в рейд совершенно без обуви. 50 пар белья «взаимообразно одолжили у т. Шмырева».

Еще хуже обстояли дела со связью. Отряд Старика не обеспечили радиостанцией. Отвечавшая за Минское направление служба Северо-западной группы ЦК КПБ, предписывала Пыжикову поддерживать связь посредством курьеров, которых тот должен был отправлять из каждого района, лежащего по пути следования. По прибытию на место базирования для поддержания непрерывной связи Старик должен был каждые 3 – 4 дня в обязательном порядке отправлять за линию фронта связного²².

Рейд по тылам противника редко проходил без осложнений. Обычно отряды держались лесистой местности и двигались, как правило, по ночам, из расположения одного отряда к другому. Во избежание недоразумений в отношениях с местными партизанами командование рейдового отряда имело соответствующие документы, выданные в обкоме партии или даже в ЦК.

Проложенный заранее для отряда Старика маршрут предполагал форсирование Западной Двины чуть выше Витебска, в районе деревни Курино, чтобы затем уже беспрепятственно двигаться в юго-западном направлении (Сенно – Черя – Холопеничи). По имевшимся на день выхода данным берега Двины в окрестностях Курино контролировалась партизанами из отряда Райцева, и переправа через реку не сулила особых затруднений. Однако уже на второй день пути стало известно, что противник, двигаясь вдоль Двины от Суража к Витебску, вытеснил партизан из этих краев и сжег расположенные на правом берегу населенные пункты, в том числе и Курино²³. Это вынудило штаб Старика на ходу менять планы, отряд в своем движении начал резко заходить вправо, стремясь через Городокский и Меховский районы выйти к Полоцку

¹⁷ НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 69, Л. 127.

¹⁸ НАРБ, Ф. 1450, Оп.4, Д. 219, Л. 17.

¹⁹ НАРБ, Ф. 1450, Оп.4, Д. 219, Л. 1.

²⁰ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 121.

²¹ НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 69, Л. 211.

²² НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 69, Л. 128 – 129.

²³ Белорусские деревни, сожженные в годы Великой Отечественной войны//База данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://db.narb.by/search/2429> Дата доступа: 06.02.2018.

и уже оттуда поворачивать на Ушачи, Лепель и Борисов. Такой маршрут намного увеличивал путь, но, как полагал штаб отряда, давал выигрыш в безопасности, поскольку пролегал по территории, в значительной степени контролируемой бригадами Шмырева и Дьячкова²⁴. На этом безопасном пути, правда, лежали две охраняемые железнодорожные магистрали (Витебск – Ленинград и Полоцк – Витебск). Кроме того, на новом маршруте предстояло форсировать две водные преграды – помимо Западной Двины еще и реку Оболь. Обремененному тяжелым снаряжением отряду сделать это было не просто (боеприпасы, взрывчатку и другое имущество бойцы несли в вещевых мешках).

В дневнике боевых действий отряда об этом рейде имеется всего несколько записей: 16 июня он был окружен возле деревни Шаши (на самом деле – у деревни Орля²⁵ Полоцкого района), 22 числа с боем форсировал реку Оболь, а 27 и 29 июня вел бои у деревни Медведовка Лепельского района и у шлюза Березинского канала²⁶.

На деле, однако, все прошло не так складно. О некоторых особенностях этого перехода можно судить по рассказам его участников. Так, например, следовавший часть пути с отрядом Старика связной ЦК КП (б) Б по Червенскому району Юшкевич составил по итогам перехода докладную записку на имя Пономаренко. В ней он конкретизирует маршрут движения – от отряда Воронова (Городокский район) – к отряду Волкова (Меховский район) – и, наконец, к бригаде Марченко. В деревне Орля, согласно его донесению, немцы попытались окружить расположившийся на короткий отдых отряд, благо что были своевременно обнаружены дозорами. Несмотря на то, что после короткого боя Старик сумел без потерь оторваться от противника, Юшкевич делает вывод, что у его бойцов нет опыта ведения боя и их нужно серьезно обстреливать²⁷.

Санинструктор отряда К. Иванова прошла весь путь с отрядом Старика. В своем донесении в Минский обком, составленном 1 сентября 1942 года, она указывает на ряд особенностей этого рейда. Отряд благополучно дошел до Полоцкого района. В Полоцком районе часть партизан из числа местных уроженцев покинула Старика и разошлась по домам, проще говоря, дезертировала.

В этой же местности несколько человек отстало от отряда. Произошло это, по утверждению Ивановой, по вине командира, который отпустил шестерых партизан навестить родственников, проживающих в расположенной по маршруту движения деревне. Почти сразу же после их ухода отряд вынужден был покинуть место дневки ввиду появившихся вблизи немецких дозоров. Ушедших на побывку бойцов не ждали и даже не оставили для них связного.

Самым сложным оказался участок маршрута на выходе из Полоцкого района. Лежащие параллельно железная дорога и шоссе Полоцк – Витебск, в этой местности вплотную подходят к реке Оболь, образуя тем самым, тройное препятствие. В штабе «Старика» приняли решение преодолеть его в одну ночь. Сначала, в 23.00 22 июня отряд форсировал железную дорогу и, хотя был обстрелян патрулями, все же сумел без потерь выйти к деревне Берковичи, в которой Витебское шоссе пересекало реку Оболь. При отправлении Пыжикова в тыл врага секретарь ЦК КП (б) Б Эйдинов категорически запретил ему вступать в бой с противником в пути следования. Несмотря на это и вопреки возражениям комиссара отряда Потапенко и начальника штаба Расторгуева, Старик принял решение разгромить гарнизон противника, охранявший в Берковичах мост через Оболь, вместо того, чтобы форсировать ее вброд²⁸.

²⁴ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 121.

²⁵ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 121 (оборотная сторона).

²⁶ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 226, Л. 1.

²⁷ НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д. 69, Л. 211.

²⁸ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 22.

На решение Старика, вероятно, повлияли полученные от местного партизанского отряда сведения о готовившейся операции по взрыву этого моста. Он вызвался помочь в этом деле, для чего выделил подчиненную ему группу Шамрая. Предполагалось, что эта группа снимет часовых и отряд сможет по мосту переправиться через реку, после чего местные партизаны его взорвут.

Однако с самого начала дело не заладилось. В 2 часа ночи 23 июня группа Шамрая выдвинулась к мосту, но немецкий караул обнаружил крадущихся партизан. В завязавшейся перестрелке был ранен Шамрай. Основные силы отряда двинулись на помощь ведущей бой группе, но были обстреляны с моста пулеметным огнем. Неопытные партизаны Старика растерялись и поддались панике, отряд вел лишь беспорядочный огонь во всех направлениях. Спас положение начальник штаба Расторгуев, отыскавший на реке в полукилометре от моста брод, что позволило ему вывести отряд из ловушки. При этом на вражеском берегу были оставлены раненные. Также не успели отступить вместе с отрядом занятая их перевязкой Иванова и прикрывавшие отступление пулеметчики. Группа диверсантов с тяжело раненым Шамраем осталась охранять своего командира, но на рассвете тот умер от ран. Наутро всех оставшихся подобрали в лесу подрывники местного отряда. Позднее они присоединились к «Старику»²⁹.

Остаток ночи и следующий день отряд провел в зажатом между Оболью и Западной Двиной лесу, скрываясь от прибывшего с близлежащей железнодорожной станции отряда карателей. Наконец, 25 июня в три часа ночи у деревни Шаши отряд успешно форсировал Западную Двину, боеприпасы и тяжелое снаряжение переправили на плоту, бойцы переплыли реку вплавь³⁰ и отряд вырвался, наконец, в Ушачский район. В результате всех этих событий его состав сократился до 62 чел.

Очередные проблемы возникли уже в Лепельском районе. При входе на территорию района, в деревне Воронь местной полицией была задержана разведка Старика. После допроса разведчиков началось постоянное преследование отряда, пока у деревни Медведовка противник его не настиг. В течение 3 часов «Старик» вел бой в окружении, но сумел вырваться из кольца после того, как Пыжиков застрелил руководившего операцией немецкого офицера, что вызвало некоторое замешательство среди нападавших. Бросив часть припасов, отряд ушел в болото, и, двигаясь по пояс в воде, оторвался от преследования³¹.

Другие участники событий несколько иначе описывает этот бой. По словам К. Ивановой, отряд находился в лесу на привале, когда дозоры обнаружили продвигавшихся в сторону Медведовки немцев. Старик решил дать бой и на въезде в деревню устроил засаду. Противник, однако, на дороге не появился, а ударил в тыл находящимся в засаде бойцам. В перестрелке были убиты пулеметчик, два бойца из отряда «Старика» и девушка из оперативной группы Павловского. Второй пулеметчик сдался в плен. Была пленена также разведчица отряда, позже ее повесили в Лепеле. Отряд отступил в беспорядке, бросив повозки с сумками и боеприпасами³².

О недостатках в организации этой засады рассказывает и связной ЦК КП (б) Б Юшкевич. По его словам, организовав засаду, приближения противника ждали более часа. Уставшие и голодные бойцы Старика уснули. Немцы обошли отряд с тыла, бесшумно сняли секрет, и открыли огонь. В этом ненужном бою Старик потерял 9 человек убитыми и ранеными, при этом раненные в условиях разразившейся паники не были подобраны; еще трое бойцов Старика

²⁹ НАРБ, Ф.1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 17.

³⁰ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 121 (оборотная сторона).

³¹ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 122.

³² НАРБ, Ф.1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 18

попали в плен. Потери противника точно установить не удалось, в штабе отряда лишь предполагали, что с его стороны тоже были убитые³³.

При переходе через Березинский канал пропала без вести разведка Старика – никто из высланных к шлюзу разведчиков не вернулся с задания, и их судьба осталась неизвестной. Отряд был вынужден форсировать канал без надежных разведданных и, в результате, на шлюзе еще раз попал в засаду и был оттеснен противником в болота. Обстановка складывалась катастрофическая, канал, а затем и шоссе Минск – Витебск пришлось преодолевать днем, под обстрелом, но риск, вероятно, был оправдан: отряд оторвался от преследования и «вывалился» в Бегомльские леса³⁴. По Бегомльскому, а затем и по Холопеничскому районам движение было уже более свободным, без преследования. Партизанских отрядов в Холопеничском районе Старик не обнаружил.

9 июля шедшие с отрядом диверсионные группы отделились от него, и отправились в предназначенные им районы³⁵. Со Стариком оставалось всего 33 человека, с которыми он совершил последний переход рейда, между Прудами и Старым Янчиным перешел через большак Борисов – Лепель и остановился в Пупеличском лесу, назначенном ему в качестве места базирования³⁶.

³³ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 69, Л. 211.

³⁴ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 122.

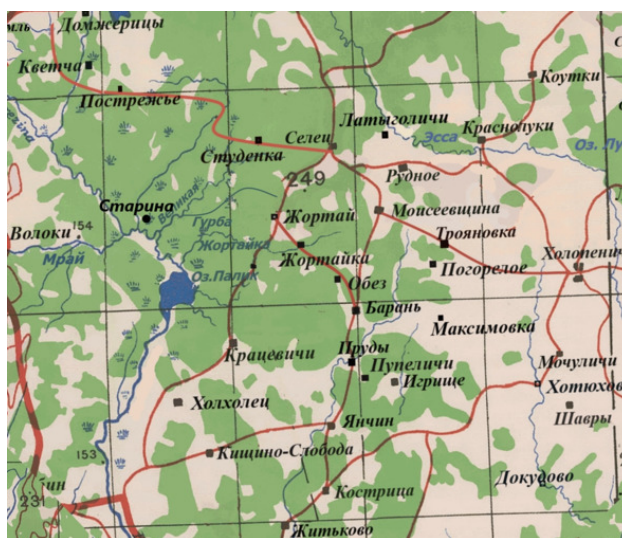
³⁵ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 122

³⁶ НАРБ, Ф.1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 18

Глава 2. В Пупеличском лесу

На первый взгляд, месторасположение этого района рядом с важнейшими магистралями, ведущими к линии фронта, делало его привлекательным для дислокации партизанского отряда. Однако, прибыв на место, Старик установил, что район насыщен гарнизонами противника. Известны как минимум 5 опорных пунктов полиции, полукольцом охватывавших место базирования его отряда – в Лошнице, Неманице, Зачистье и Новоселках Борисовского, а также в Хотюхово Холопеничского района. В Барани (тоже Холопеничский район) была расквартирована небольшая немецкая воинская часть. Кроме того, на железнодорожных станциях Приямино, Крупки и Бобр несли службу охранные части, что делало проблематичным ведение диверсионной работы ведущих к Москве магистралах.

Ко всему прочему, отведенная Старику для расположения лагеря и ведения боевых действий местность лежала на периферии массивной лесной зоны и была отделена от нее большим Борисов – Лепель, временно «оседлать» который партизанам удастся лишь к 1944 году.

Западная часть Холопеничского района

Несколькими месяцами ранее в этих краях уже были разгромлены отряды Ивана Яроша и Василия Попова. Не последнюю роль в их поражении, вероятно, как раз и сыграло неудачно подобранные места базирования. Достаточно высокая активность этих отрядов, проявленная ими осенью 1941 года, вызвала ответные меры оккупационных властей и в ноябре месяце они были поочередно и при схожих обстоятельствах разбиты в болотистой и безлесной местности возле деревни Каменка (Хотюховская волость Холопеничского района). Сначала, 4 ноября 1941 года, отряд Попова вел в этой местности с немцами затяжной бой, в результате которого его остаткам лишь разрозненными группами удалось выйти к своим базам возле Зачистья. Одна из таких групп присоединилась к Ярошу³⁷. Впрочем, в конце ноября в бою под той же Каменкой отряд Ивана Яроша был также рассеян³⁸, а часть бойцов попала в плен³⁹. (Помощник Ивана Яроша Ходоркевич в своем отчете датирует это событие 26-м сентября⁴⁰). Позднее

³⁷ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: Энцыклапедыя – Мінск, 1990, с. 471.

³⁸ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: Энцыклапедыя – Мінск, 1990, с. 474

³⁹ Памяць. Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Крупскі раён Мінск, 1999, с. 255.

⁴⁰ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 660, Л. 310.

немногочисленным выжившим удалось выйти к Пупеличам и командование смогло собрать их воедино, но достичь былой мощи (95 человек при 9 пулеметах по состоянию на 5 сентября 1941 года⁴¹) отряд уже не смог.

Эти отряды пережили зиму, но весной 1942 года были окончательно уничтожены. Иван Ярош в феврале заболел тифом и был оставлен в землянке в лесу у Пупеличей. 26 февраля прочесывавший лесной массив отряд карателей обнаружил его убежище, Ярош принял бой и был в нем убит⁴². В эти же дни был разгромлен и его отряд. По утверждению В. Тарасенко, одного из бойцов Яроша, немногочисленные выжившие поодиночке и небольшими группами «...были подобраны отрядом Панова» (речь, возможно, идет об отряде Попова)⁴³. С 10 марта по 15 апреля этот отряд маневрировал между Пупеличами и Зачистьем, пытаясь с боем вырваться из блокированного лесного массива. В конце концов, по решению командования отряд был распущен и, как сообщает энциклопедия «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне» небольшими группами покинул зону боев и прекратил свое существование⁴⁴.

Пыжиков знал о судьбе Ивана Яроша и Василия Попова, об этом ему сообщили два бойца, сумевших пережить разгром и присоединившихся позднее к Старик. Их сведения, однако, были не вполне достоверными и носили отрывочный характер. В своем донесении на имя Пономаренко Старик сообщает о том, что в зоне, которую он «...должен обслуживать отрядом...», ранее оперировало три отряда: Яроша (Старик называет его Ярушем, Ярушевым), Попова и Васи. Не вполне ясно, кого он имел в виду под последним именем, возможно, речь идет о группе окруженцев, к которой присоединился заместитель Яроша Хадаркевич после событий у Каменки. Он, кстати, достаточно негативно оценивает действия этой группы (мародерство, низкая боевая активность), а их предводителя называет «Васькой»⁴⁵.

По данным Старика все три отряда были полностью уничтожены карательными экспедициями противника, командиры отрядов расстреляны, а «командир отряда тов. Попов повешен в г. Борисове»⁴⁶.

Вынужденный базироваться в малоприспособленных для этого местах, Старик осторожничает. Ко всему прочему, у него не складываются отношения с жителями окрестных деревень. Еще во время движения он сетовал на недружелюбное отношение крестьян к его отряду. Возможно, такое отношение было спровоцировано самими партизанами, которые, по мнению партийных инстанций, инспектировавших позднее деятельность Старика, неправильно проводили политику взимания продуктов питания с населения – вплоть до реквизиции последних коров⁴⁷. Если такие утверждения соответствуют действительности, то рассчитывать на помощь Пыжикову не приходилось. «Население партизан боится... сильные репрессии со стороны полиции и немцев... Крупнейшие деревни заполнены полицией, партизанских отрядов абсолютно нет», – так обрисовывает ситуацию в районе начальник штаба «Старика» Николай Петрович Расторгуев⁴⁸.

⁴¹ Грабовский С. К. Борьба подпольщиков и партизан Борисовско-Бегомльской зоны против немецко-фашистских оккупантов (июль 1941 – июль 1944 гг.) // Диссертация на соискание научной степени кандидата исторических наук – Минск: 1986, с. 162.

⁴² Цанава Л. Ф. Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков. Часть 1. Зарождение и развитие партизанского движения – Минск, 1949 с. 162.

⁴³ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 132.

⁴⁴ Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941—1945: Энцыклапедыя – Мінск, 1990, стар. 474.

⁴⁵ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 660, Л. 311.

⁴⁶ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 1.

⁴⁷ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 301, Л. 152

⁴⁸ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 122 (оборотная сторона.).

В своих донесениях Старик скупое упоминает о трех проведенных его отрядом боевых операциях и о четырех диверсиях на железной дороге Минск – Москва на участке Борисов – Крупки⁴⁹.

Подробнее о некоторых из них пишут другие участники событий. Получив от своих агентов из деревни Лесины данные о том, что в соседней деревне Михайлово (Михалово, Михаловы хутора) Житковской волости образован отряд самообороны («самааховы»), Старик решил ее разоружить. На второй год войны в силу участвовавших насилия, реквизиций и грабежей со стороны скрывавшихся в лесу бывших окруженцев, партизан и откровенных бандитов, в том числе и из числа местных жителей, во многих деревнях стихийным образом начали возникать группы самообороны. На первых порах они создавались населением на свой страх и риск. Немецкие власти хоть и смотрели сквозь пальцы на подобного рода инициативы, однако не позволяли отрядам самообороны иметь оружие – об этом, в частности, упоминают в своих мемуарах проживавший в оккупированном Полоцке профессор, искусствовед Павел Дмитриевич Ильинский⁵⁰, а также исследовавшие тему на основе западных источников Бернгард Кьяри⁵¹ и Марк Бартушко⁵².

В 1942 году, однако, ситуация изменилась. Участвовавшим нападениям партизан на деревню оккупационная администрация попыталась противопоставить крестьянскую «самаахову» и дала разрешение на ее частичное вооружение. Летом этого года оккупационные власти предприняли попытку поставить под контроль этот стихийный процесс и начали повсеместную централизацию местной «самообороны»⁵³.

Начальник штаба «Старика» Николай Расторгуев указывает, что немецкими властями перед этими отрядами ставилась задача «...охранять свою деревню, свое имущество и себя от партизан». Отряд самообороны в Михалово включал в себя все мужское население деревни (23 человека) и был вооружен французскими винтовками. Организовал его председатель местного колхоза, бывший кандидат в члены ВКП (б)⁵⁴.

К. Иванова рассказала, как было проведено разоружение этого отряда. Предполагая, что сколько-нибудь серьезного сопротивления жители Михалова оказать не смогут, Старик на рассвете ввел отряд в деревню, однако никого из мужского населения на месте не оказалось, все спрятались в лесу. Начальник штаба Расторгуев через женщин приказал им принести и сдать оружие, что и было исполнено на следующий же день. Однако, сетует Иванова, Старик не стал этого дожидаться и увел отряд из Михалова. Принадлежавшие самообороне французские винтовки впоследствии были изъяты полицией⁵⁵.

На лавры «победителя» отряда самообороны деревни Михалово претендует еще один участник этих событий – командир взвода Добринин (позднее – начальник разведки в бригаде «Старика»), который утверждает, что вопреки приказаниям Пыжикова он с группой бойцов из пяти человек «разогнал самоохранный полицию... в д. Михайлова Борисовского района и потом приказал в течение суток сдать оружие, угрожая сжечь деревню». Как и Иванова,

⁴⁹ НАРБ, Ф.1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 1.

⁵⁰ Ильинский П. Д. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. (Жизнь Полоцкого округа в 1941 – 1944 годах.) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К. М. Александров – Санкт-Петербург, 2011, с. 82.

⁵¹ К«яры Беригард. Штодзеннасць за лініяй фронту. Акупацыя, клябарыцы і супраціў у Беларусі (1941 – 1944 г.) – Мінск, 2008, с. 163

⁵² Бартушка Марк. Партызанская вайна ў Беларусі ў 1941 – 1944 гг. – Смаленск, 2014, с. 87.

⁵³ Факторович А. А. Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии – Минск, 1979, с. 104,

⁵⁴ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 638, Л. 122 (оборотная сторона.).

⁵⁵ НАРБ, Ф.1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 18.

Добринин утверждает, что Старик не стал дожидаться выполнения этого требования, в результате крестьяне сдали оружие в волость⁵⁶.

В штабе «Старика» не отрицали того факта, что винтовки, которыми была вооружена «самаахова», в конечном итоге были сданы крестьянами местным властям. В донесении на имя Пономаренко Расторгуев сообщал, что после короткой перестрелки большая часть «самааховы» разбежалась, после чего партизаны предложили жителям Михалова впредь оружия в руки не брать, а имеющееся сдать властям в двухдневный срок, что и было ими исполнено: они снесли «...оружие в Борисов и там заявили, что больше бояться вооружаться»⁵⁷.

Не вполне рациональное с точки зрения его оппонентов (Иванова, Добринин) поведение Старика в описанном выше эпизоде (партизаны приказали членом «самааховы» сдать оружие оккупационным властям), вероятнее всего объясняется тем, что Василий Пыжиков все же не рассматривал крестьянскую самооборону в качестве полноценного противника. Как сообщает тот же Расторгуев, «эти дружины небоеспособны и при первых пулеметных очередях разбегаются»⁵⁸.

Кроме того, Старик своим распоряжением ограждал самооборону Михалова (то есть, всю мужскую часть населения деревни) от возможных репрессий со стороны оккупационных властей за передачу оружия партизанам. Это выглядит вполне вероятным мотивом, учитывая, что за сохранность винтовок члены самообороны отвечали головой: из их числа для этой цели назначались заложники⁵⁹.

Не лучшим образом обстояли дела у Старика и с операциями на железной дороге. Диверсионные группы были посланы без надлежащей разведки, взятые в близлежащих деревнях проводники первую из них вывели прямо к сторожевой будке. Вторая попытка была более удачной – удалось установить мины, но они были обнаружены и обезврежены патрулями. При разминировании, правда, произошел взрыв, несколько охранников погибло⁶⁰.

Впрочем, так или иначе, но отряд обнаружил себя, и это привело к ответным репрессивным мерам. Иванова говорит о проведенной 22 июля объединенными силами нескольких местных полицейских гарнизонов операции, в результате которой отряд понес большие потери и покинул занимаемый район. Сама она отстала от отряда и вынуждена была вернуться за линию фронта⁶¹, с чем, собственно, и связано написание ею упомянутого донесения в Минский обком.

В свою очередь, Старик упоминает о четырех операциях, предпринятых за это время немецким гарнизоном Борисова против его отряда. Последняя из них, самая крупная, датируется им 30-м июля 1942 года (а не 22-м, как у Ивановой). Рано утром вблизи деревни Новое Янчино немецкое подразделение из Борисова и полиция двух волостных управ – Зачистской и Новоселковской – с трех сторон атаковали отряд. Старик сумел вырваться из полукольца, потеряв при этом 9 человек пропавшими без вести. В их числе были начальник штаба Расторгуев и, вероятно, Иванова⁶². Попытки их отыскать не увенчались успехом. Как потом выяснилось, Расторгуев с четырьмя бойцами попытался подобрать брошенное имущество, затем, отстреливаясь, сумел оторваться от противника. Трехдневные поиски не дали результата, он не нашел Старика и решил возвращаться за линию фронта. В одной из деревень Сенненского

⁵⁶ НАРБ, Ф. 4п., Оп. 33а, Д. 269, Л. 19 (оборотная сторона.)

⁵⁷ НАРБ, Ф. 4п., Оп. 33а, Д. 638, Л. 122 (оборотная сторона.).

⁵⁸ НАРБ, Ф. 4п., оп. 33а, Д. 69, Л. 160.

⁵⁹ *Ильинский П. Д.* Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии. (Жизнь Полоцкого округа в 1941 – 1944 годах.) // Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К. М. Александров – Санкт-Петербург, 2011, с. 82.

⁶⁰ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 226, Л. 1.

⁶¹ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 18 – 19.

⁶² НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 1.

района группу Расторгуева обстреляли местные полицаи, трое его спутников были убиты, а один дважды ранен. Расторгуев сумел вынести раненого. Уже в Бешенковичском районе их подобрала партизаны и перевели через линию фронта⁶³. Осенью Николай Расторгуев вернется в бригаду Шмырева и в октябре месяце возглавит один из входящих в ее состав отрядов⁶⁴.

⁶³ НАРБ, Ф. 4п, оп. 33а, Д 69, Л. 162

⁶⁴ Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) – Мн., 1983, с.229.

Глава 3. Отступление на Палик

После июльских событий в отряде у Старика осталось всего 18 человек. Такими силами удержать «режимный», по его выражению, Борисовский район было невозможно, и он принял решение увести отряд в заповедник, расположенный на территории Холопеничского и Бегомльского районов⁶⁵. Как позднее будет отражено в подготовленной для Пономаренко справке на Пыжикова, обстановка в Борисовском районе для его отряда оказалась сложной, Старик был напуган режимом немцев, наличием немецких гарнизонов и полиции⁶⁶ и увел отряд на Палик.

Глава образованного 9 сентября 1942 года Белорусского штаба партизанского движения и, одновременно, второй секретарь ЦК КП (б) Б Петр Калинин не менее раздраженно отреагировал на произошедшее. В его донесении, составленном для Пономаренко, говорится: Пыжиков вместо пересмотра своих действий, как это требовалось директивными телеграммами ЦК и ЦШПД, решил только передислоцироваться и направился в Бегомльский район⁶⁷.

Требование любой ценой удерживать район диктовалось, вероятно, все еще сохранявшейся в руководстве партизанским движением стратегией, направленной на равномерное распределение небольших партизанских отрядов по всем административно-территориальным единицам оккупированной территории. Эту тенденцию подметил еще в 1950-е годы Джон Армстронг, который в своем исследовании партизанского движения в СССР полагал, что засылка партизанских отрядов в тыл врага без учета особенностей местности, на которой им предстоит действовать, была явно ошибочной и считал, что к началу 1942 года эта практика постепенно сходилась на нет⁶⁸. И хотя его замечания большей частью касались бедных лесами степных районов СССР, мы видим, что отряд «Старика» (а до того и отряд Яроша) был послан в бедную лесами часть Борисовского района, тогда как в двух десятках километров на северо-запад лежали труднопроходимые территории, на которых в конечном итоге и начнется формирование партизанской зоны в этих краях.

В этой связи отступление Старика из региона выглядело вполне оправданным с тактической точки зрения, однако противоречило установке ЦК и привело к возникновению первых трений в его отношениях с партизанским начальством и белорусским партийным руководством. До середины осени возникшие противоречия не будут носить еще явного характера, но позднее, ближе к зиме, Старик даст целый ряд новых оснований для их обострения и Петр Калинин, а затем и Пантелеймон Пономаренко все чаще начнут высказывать прямое недовольство деятельностью Пыжикова.

А пока Старика удалось найти решение, которое разом улучшило его позиции, несмотря на фактический разгром, учиненный ему противником в Пупеличском лесу.

Еще в ходе своего марша от линии фронта, проходя через Березинские болота, он был наслышан о крупном партизанском отряде, стоявшем недалеко от Палика. Из деревни Глубочица Холопеничского района, в которой его отряд несколько дней отдыхал после пережитых в Лепельском районе злоключений, на Палик была отправлена разведка, но обнаружить партизан в тот раз Старика не удалось⁶⁹.

Как позже выяснилось, в восьми километрах северо-западнее озера, на хуторе Смолянка долгое время стояла прибывшая из-за линии фронта спецгруппа лейтенанта Кузина (НКВД

⁶⁵ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д 219, Л. 1.

⁶⁶ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д 301, Л. 152.

⁶⁷ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д 219, Л. 22.

⁶⁸ Армстронг Джон. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941 – 1944 – Москва, 2007, с. 33.

⁶⁹ НАРБ, Ф. 4п., Оп. 33а, Д. 638, Л. 122.

СССР). В окрестных лесах располагалось несколько небольших партизанских отрядов, созданных при участии и поддержке Кузина в основном из числа проживавших в районе окруженцев.

Оказавшись отрезанными летом 1941 года за линией фронта, тысячи красноармейцев и их командиров вынуждены были осесть на оккупированной территории.

На первых порах далеко не все из них считали себя партизанам, даже наиболее патристично настроенные «окруженцы» стремились выйти за линию фронта для соединения с частями Красной Армии. Многим действительно удавалось «догнать» фронт. Другие по различным причинам застревали во вражеском тылу.

Эта часть бывших красноармейцев уже не видела особого смысла в сопротивлении противнику, она пряталась в деревнях, а иногда даже совершенно открыто проживала в них в качестве приписников. И только те, кому не удавалось устроиться в деревнях, скрывались в лесах и болотах. Там они для самозащиты и добычи пропитания собирались в отряды. Это были малочисленные, плохо вооруженные, не организованные и недисциплинированные группы и отряды. Их количество было невелико, они не имели связи не только с Москвой, но и между собой.

Как справедливо, на наш взгляд, отмечает Джон Армстронг, подобные спонтанно возникавшие отряды были почти целиком озабочены проблемой выживания. Их нападения на деревни и атаки против созданных там немцами из местного населения вспомогательных полицейских сил в первую очередь имели целью добычу продовольствия⁷⁰ – свидетельства непосредственных участников событий тех лет вполне подтверждают подобные прагматичные умонастроения большинства оставшихся на оккупированной территории бойцов и командиров РККА.

«Кустарничество, анархия, отсутствие целеустремленности в борьбе преобладало. Партизаны вступали в бой по преимуществу только тогда, когда противник приходил на базу и навязывал этот бой»⁷¹, – такую характеристику партизанскому движению на этом этапе дает Пыжиков.

Зима 1941 – 1942 г. г. явилась для подобных групп одним из самых серьезных испытаний. Вот как описывает ситуацию Григорий Линьков, зимовавший с небольшим отрядом в лесах на границе Лепельского и Холопеничского районов:

«С наступлением тепла «выталяли» из-под снега такие партизанские группы, которые перезимовали в лесу, не обнаруживая никаких признаков жизни и не имея связи с местным населением.

Одна такая группа из семи бойцов, попавших в окружение, всю зиму провела в Березинских болотах неподалеку от озера Палик. На небольшом холмике люди построили себе землянку, заготовили соли, мяса, муки, зерна, достали в деревушке ручную мельницу, сложили русскую печку и заперлись в землянке, как медведи в берлоге, на всю зиму.

Постов они не выставляли, караульной службы не несли. «Зато на ночь, – рассказывал потом один из этих зимовщиков, – изнутри закрывали землянку на надежный крюк»⁷².

Одну из главных ролей (если не главную роль) в приобщении таких полупартизанских «ватаг» скрывавшихся в лесах красноармейцев к борьбе сыграли спецгруппы, заброшенные в район Палика из советского тыла. Поздней зимой 1941 – 1942 года сюда начали прибывать небольшие, но неплохо оснащенные и подготовленные отряды, создаваемые 4-м отделом (с 18 января 1942 года – 4-е Управление⁷³) НКВД СССР, перед которыми в качестве одной из основных ставилась задача организации партизанского движения в регионе. Одна из таких

⁷⁰ Армстронг Джон. Советские партизаны. Легенды и действительность. 1941 – 1944 – Москва, 2007, с. 36 – 37.

⁷¹ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 185. Л. 342.

⁷² Линьков Г. М. Война в тылу врага – Саранск, 1962, с. 235.

⁷³ Боярский В. И. Партизаны и армия. История утерянных возможностей – Минск – Москва, 2001, с. 74.

групп – отряд «Победа» под руководством лейтенанта Кузина – 22 января 1942 пересекла линию фронта и на лыжах выдвинулась в Борисовский район. Это подразделение насчитывало всего 36 человек, однако Иван Матвеевич Кузин сумел отыскать в лесах Бегомльского, Холоничского и Борисовского районов несколько перезимовавших групп окруженцев и по своему каналу связи зарегистрировать их в Москве в качестве партизанских отрядов.

Далеко не все группы «окруженцев» были позитивно настроены к вовлечению их в реальное противостояние с противником. В лесах Палика (как, наверное, и повсеместно) скитались, в том числе и откровенно бандитские группы мародеров из числа попавших в окружение или бежавших из плена красноармейцев. Стоявший во главе диверсионно-разведывательного отряда лейтенант Кузин не имел особых возможностей для выяснения подноготной истории скрывавшихся на Палике групп окруженцев. В качестве партизанских, надо полагать, он регистрировал всех. Стать на учет отказывались немногие, поскольку командиры присланных из-за линии фронта отрядов имели соответствующие полномочия – вплоть до расстрела «анархистствующих атаманов с бандитскими наклонностями», по образному выражению Станислава Ваупшасова, прибывшего в Борисовскую зону чуть позже Кузина с аналогичной миссией. Рядовых участников таких мародерствовавших групп распределяли по здоровым отрядам⁷⁴.

К середине лета 1942 года под управлением Ивана Кузина находились, вероятно, все партизанские силы Бегомльского района. В оперативной сводке Северо-Западной группы ЦК КП (б) Б (до 9 сентября 1942 года выполняла по сути функции Белорусского штаба партизанского движения), подготовленной 10 августа для СНК БССР, говорится, что под его началом числилось три отряда: собственно, группа Кузина (отряд «Победа»), выросшая до 80 человек, а также отряды Дьякова (47 человек) и Бычкова (69 человек)⁷⁵, оба из числа зазимовавших в Бегомльском районе окруженцев. В их создании принимал участие бывший третий секретарь Бегомльского райкома Степан Манкович, оставленный летом 1941 года в тылу противника для организации сопротивления. Манкович, собственно, и отыскал весной 1942 года группу Кузина, что во многом и предопределило ход дальнейших событий.

Еще несколько небольших отрядов, сохраняя большую самостоятельность, находились под влиянием лейтенанта Кузина и располагались неподалеку от его лагеря. В их числе назовем базировавшийся в лесу у деревни Горелый Луг отряд Михаила Джагарова и стоявший у Савского Бора отряд Алексея Дрантусова⁷⁶. Отряд Джагарова (его самоназванием долгое время было «Белоболотники» – по наименованию места работы его организаторов, расположенного на Белом болоте торф завода «Красный Октябрь») также был создан при непосредственном участии лейтенанта Кузина, присутствовавшего на его организационном собрании в деревне Пустой Мстиж в апреле 1942 года⁷⁷.

Начало второму из упомянутых отрядов было положено в начале лета жителями деревни Савский Бор братьями Кузьмой и Иваном Автушко, а также их шурином Иваном Янковским. С присоединением к ним нескольких окруженцев во главе с лейтенантом Дрантусовым Алексеем Ивановичем их группа также была учтена Кузиным в качестве партизанского отряда.

Это были крохотные партизанские формирования, что в значительной степени ограничивало их возможности в самостоятельных действиях. И Джагаров, и Дрантусов свои вылазки старались проводить совместно с диверсантами Кузина⁷⁸, и это естественным образом ставило их в зависимое от него положение.

⁷⁴ Ваупшасов С. А. На тревожных перекрестках. Записки чекиста – Москва, 1974, с. 247 – 249.

⁷⁵ НАРБ, Ф. 4п, Оп. 33а, Д. 78, Л. 26.

⁷⁶ Джагаров М. М. Костры партизанские – Минск, 1970, с. 85.

⁷⁷ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 174, Л. 79

⁷⁸ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 174, Л. 79

Из числа зимовавших в землянках на Палике окруженцев и бежавших из плена красноармейцев следует упомянуть группы Николая Балана и Сергея Долганова. Их также обнаружил в лесах Березинского заповедника Иван Кузин⁷⁹. Он же помог этим группам стать на ноги после трудной зимовки.

Вот с этими партизанскими силами и планировал увязать свои действия отступающий на Палик с остатками своего отряда Старик. Что он подразумевал под словами «увязать действия» остается только догадываться, поскольку Кузина и подчиненных ему отрядов здесь он уже не застал.

В конце июня 1942 года Иван Кузин собрал в своем лагере совещание. На нем присутствовали командиры и комиссары всех созданных при его участии отрядов, в том числе Манкович с Дьяковым, Балан с Мормулевым, Дрантусов, Бычков, Джагаров, а также Сергей Долганов.

Как утверждает участвовавший в этом совещании Михаил Джагаров, Кузин сообщил собравшимся, что он получил шифровку из Москвы с приказом вывести часть отрядов Бегомльского и Борисовского районов за линию фронта (оставив на местах небольшие группы по 10 – 15 человек). Из числа присутствовавших на совещании лишь Степан Манкович и Сергей Долганов высказали сомнение в целесообразности такой акции. Остальные партизанские командиры даже с некоторым энтузиазмом восприняли предложение Кузина⁸⁰.

Большинство представленных на совещании отрядов были созданы и состояли в основном из бойцов Красной Армии, попавших в окружение или в плен еще летом 1941 года, которые считали за благо выйти в тыл, присоединиться к Красной армии и продолжить борьбу на фронте.

В этой связи Василий Семенович Пыжиков (Старик) сетовал, что идея выхода за линию фронта была весьма распространена среди партизан летом 1942 года, и это негативно сказывалось на моральном духе всех отрядов, стоявших в лесах по обоим берегам Березины⁸¹. Шок, полученный во время трудной зимовки 1941—1942 годов на Домжерицких и Березинских болотах, был, вероятно, настолько велик, что делал весьма привлекательной идею выхода в советский тыл.

Для перехода Кузин подчинил себе практически все партизанские группы Бегомльского района. В конце июня 1942 года он двинулся к Суражским воротам. В пути следования Кузин провел несколько боев, но эти столкновения, вероятно, носили случайный характер⁸² и не имели большого значения, ни для партизан – поскольку не причинили врагу особого урона, ни для противника – по той же причине.

В лагере Кузина оставался лишь Степан Манкович, ожидавший с небольшой группой бойцов возвращения основных сил, которые во главе с командиром отряда Романом Дьяковым проводили заготовки продовольствия в Вилейской области. Уже после войны в письме к Ивану Титкову Манкович писал буквально следующее: «Да будет тебе известно, что я сам вместе с Дьяковым, когда Кузин из ... [других] отрядов формировал бригаду для выхода за линию фронта, едва не ушел туда вместе с ним в июле 1942 года. Не ушли мы вместе с Кузиным только потому, что половина нашего отряда находилась в Западной Белоруссии на операциях...»⁸³.

Именно в это время Старик и привел остатки своего отряда на Палик. Он предложил Дьякову и Манковичу «под их партийную и государственную ответственность» базу на озере Палик не оставлять. К этому времени, кстати, ими было получено письмо от Минского обкома

⁷⁹ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 167, Л. 264.

⁸⁰ Джагаров М. М. Костры партизанские – Минск, 1970, с. 82.

⁸¹ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 2.

⁸² НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 175, Л. 13.

⁸³ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 167, Л. 266.

партии (легального, находившегося в советском тылу) на имя Кузина, в котором сообщалось о скором прибытии на Палик тройки Минского обкома, на которую возлагалось руководство партизанским движением всего этого региона. Вероятнее всего, в этом сообщении речь шла о подпольном межрайонном партийном центре Борисовской зоны, который будет создан в августе месяце и прибудет на Палик в начале октября 1942 года. Своим уходом отряд Дьякова обнажал базу, делал ее, а, следовательно, и межрайпартцентр, доступными для карателей, Старик же был не в состоянии своим крохотным отрядом закрыть подступы в лесной массив озера Палик⁸⁴

⁸⁴ НАРБ, Ф. 1450, Оп. 4, Д. 219, Л. 1 – 3.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.